

Л. П. Водясова (Саранск)

**Эксплицитный тип смыслового повторения
элементов текста в эрзянском языке**

Эксплицитный тип смыслового повторения предполагает объединение самостоятельных предложений в тексте посредством лексического повтора.

Лексический повтор – это один из наиболее общих, распространённых способов связи предложений. Прежде всего, повторы широко употребляются в народной поэзии. Разумеется, здесь они используются с целью своеобразного украшения речи, в качестве одного из видов художественного приёма. Однако их связующую роль также нельзя не заметить. Встречаются практически во всех жанрах эрзянского фольклора. Например:

– в песнях:

Кодамо моро

Минь моратано?

Кодамо ёвтамо

Минь ёвтатано?

Эрзянь морыне

Минь моратано...

Какую песню

Мы споём?

Какой сказ

Мы поведаем?

Эрзянскую песенку

Мы споём...

(УПТМН 1965: 78)

– в причитаниях:

Ней ков ильтяса бояравакчим?

Ней ков ильтяса бояравкс-тейтерьксчим?

Провожавлия удадо лугав, поки лугав...

(Сятко 1996, 8–9: 80)

Теперь куда провожу своё боярышничество?

Теперь куда провожу своё девичество-боярышничество?

Проводила бы на задний луг, большой луг...;

– в сказках: *Атясь човась пеель ды лиссь кардазс букиинеть печкеме. Букинесь неице пееленть ды тусь ардозь вирев. Печкиксэлизе баранонть – бараноськак оргодсь вирев* (Евсевьев 1965: 54). ‘Старик наточил нож и вышел во двор бычка резать. Бычок увидел нож и убежал в лес. Хотел зарезать барана – и баран убежал в лес’.

Обилие повторов в произведениях фольклора объясняется, прежде всего, тем, что большая часть их создавалась в эпоху, которая ещё не знала сознательного отношения пишущего или говорящего к тексту своего высказывания. В современном же эрзянском литературном языке повтор – явление достаточно редкое, т. к. здесь (как и в любом другом языке) существует давняя традиция, которая учит избавляться от повторения слов, стремиться к лексическому разнообразию. Но сам факт, что для этого необходимы известные навыки, свидетельствует о том, что повторы – органичная, естественная черта связной речи, наиболее обычный способ связи законченных предложений. Избегая их, мы вынуждены преодолевать себя: естественное развитие речи требует повторения какого-либо члена предложения, стилистические же нормы заставляют искать замену. По всей видимости, поэтому в произведениях устного народного творчества количество повторов огромно. Это объясняется следованием природе языка в соединении предложений, отсутствием у безымянных авторов представлений и вкусов, свойственных современному стилистическому сознанию.

“В более позднюю эпоху, – указывает Р. А. Будагов, – повторения различных типов целиком перемещаются из сферы грамматики (синтаксиса) в сферу стилистики” [Будагов 1977: 116–117]. Исследователь квалифицирует их как “сознательные повторы”, роль которых сводится не к грамматической, а стилистической организации текста и отмечает, что в этом случае повторы преследуют определённые цели, чаще всего, экспрессивные, эмоциональные. В движении от грамматики к стилистике (т. е. в передаче стилистике определённых функций, раньше принадлежавших грамматике) учёный видит совершенствование грамматики. С этим, конечно, нельзя не согласиться, но видеть в лексическом повторе лишь одну эмоционально-экспрессивную функцию – значит, обеднять роль повтора в организации связного текста. Многие лингвисты (Гаспаров 1975; Лунёва 1982; Солганик 1973 и др.) неоднократно отмечали в первую очередь его строевую функцию.

Так, Б. М. Гаспаров [1975], различая в предложении “свободные” и “связанные” грамматические категории, показал, что объединение компонентов в единицах текста проявляется, прежде всего, в том, что отдельные категории, которые при изолированном употреблении являют-

ся свободными, в тексте оказываются позиционно обусловленными, выбранными в одном из предыдущих предложений. При таком подходе к тексту совершенно ясным становится, что изгнать лексический повтор из грамматики межфразовых связей не удастся. Автор отмечает, что во многих примерах наличие или отсутствие влияния категории одного предложения на категории другого может быть как-то доказано только в том случае, если допустить наличие или отсутствие в этих предложениях повторяемых “объектов речи”. Следовательно, лексический повтор – закономерное средство связи предложений в тексте.

Л. М. Лосева подчёркивает, что лексический повтор может выполнять только синтаксическую функцию связи, т. е. быть стилистически нейтральным и может одновременно со строевой ролью “подчеркивать значимость новых сведений”, т. е. служить “стилистическим приёмом, акцентирующим внимание читателя на семантике повторяющихся слов и содержании предложений, в которых они находятся” [Лосева 1980: 45].

Эта мысль находит подтверждение и в работах других авторов. Так, например, Ю. А. Бельчиков отмечает, что повторы “выступают в двух функциях: 1) как особый приём, повышающий выразительность речи, напряжённость экспрессии, придающий мысли определённую динамичность; 2) как необходимый текстообразующий компонент, обеспечивающий связность речи” [Бельчиков 1992: 34].

Обратим свое внимание на роль лексического повтора в эрзянском языке. Прежде всего, следует отметить, что здесь обнаруживаются различные виды лексического повтора: 1) повторы отдельных слов, групп слов, частей предложения – по признаку **что** повторяется; 2) повторы контактные и дистантные – по признаку **как** повторяется; 3) повтор однокоренных слов, относящихся к разным частям речи; 4) нераспространенный лексический повтор и распространенный лексический повтор, сопровождаемый словами с атрибутивным значением.

При помощи лексического повтора элементы текста объединяются в одно целое посредством структурной соотнесённости членов смежных предложений. Наиболее характерными являются следующие виды:

1) подлежащее – подлежащее: ... *сась Миколь... Миколь оршазель сэнь стинетэнь панарсо...* (Абрамов 1987: 43). ‘...пришёл Миколь (Николай) ... Миколь был одет в синюю сатиновую рубашку...’

Важной особенностью рассматриваемого структурного типа связи является положение подлежащих на стыке предложений – в конце предшествующего и в начале последующего. Именно при таком порядке слов первое подлежащее выступает в качестве предиката (“нового”), в следующем предложении оно играет роль субъекта (“нового”).

При другом порядке слов (подлежащее в начале предложений) связь становится параллельной. Такой повтор, как известно, называется “анафорическим” [Солганик 1973: 113, 162–171] и выполняет не только строевую функцию, но и употребляется как средство актуализации, как стилистический приём создания напряжённости, драматизма в тексте. Например: *Охима аштесь куманжа лангсо ды ... озность чаво уголонть. Охима энялдсь вере пазонтъ икеле...* (Кириллов 1958: 74). ‘Охима (Ефимия) стояла на коленях и ... молилась на пустой угол. Охима просила Всевышнего...’;

2) подлежащее – дополнение: *Танянь седеезэ марясь икелепелев: сынт семясо тееви кодамо-бути полавкс. Те полавкссонть, паряк, ули чумозо сонзэяк* (Абрамов 1980: 63). ‘Сердце Тани чувствовало: в их семье произойдёт какая-то перемена. В этой перемене, возможно, есть и её вина’.

Как видим, в этих примерах подлежащее первого предложения лексически совпадает с дополнением последующего. Структурой первого предложения уже обусловлены определённое развитие и синтаксическая связь с последующим. Стоящее в конце предыдущего предложения подлежащее подчёркнуто порядком слов и не может не выразиться тем или иным способом в дальнейшем;

3) дополнение – подлежащее: *...комнатась пешксе тундонь чи валдосо. Те валдось сырне ладсо ацавсь тюжа кияксканть...* (Абрамов 1964: 218). ‘...комната полна света весеннего солнца. Этот свет словно золото разлился по жёлтому полу...’

Связь типа “дополнение – подлежащее”. Находящемуся в конце первого предложения дополнению соответствует стоящее в начале последующего подлежащее. Структурой первого компонента, вынесением в его конец дополнения обусловлен строй второго: наиболее естественно начинать его с подлежащего (дополнения предыдущего);

4) дополнение – дополнение: *Овтотне ёвкстасызь ведентень лапаст ды прок амольдить калтиэнь. Менема бажия калонтъ ёртсызь прят велькса* (Журавлёв 1993: 5–6). ‘Медведи суют в воду свои лапы и словно черпают оттуда рыбу. Пытающуюся вырваться рыбину бросают через голову’;

5) обстоятельство – обстоятельство: *Канашсо эшелонотъ ... явсть ... веньберть. Веньберть вагононь вагон усксестъ кистэ кис* (Абрамов 1964: 95). ‘В Канаше эшелон ... делили всю ночь. Всю ночь вагон за вагоном возили с одного пути на другой’.

Все предложения в рассмотренных выше примерах объединяются в одно целое благодаря одинаковому способу выражения цепной (послед-

довательной) связи – лексическому повтору. Здесь названы лишь его основные виды. Между тем каждый из них имеет разновидности, подви-ды. Так, описывая связь типа “дополнение – дополнение”, следует иметь в виду её разновидности “дополнение – определение”, “определе-ние – дополнение” и “обстоятельство – дополнение”. Помимо охарактеризованной выше связи типа “дополнение – подлежащее”, следует иметь в виду и её разновидность “обстоятельство – подлежащее”. Например: *Сон [Кемай] ... совась кудонтень. Тесэ качадсь пряка чине. Прякат-нень сон муинзе каштомонт икельде...* (Абрамов 1988: 43). ‘Он [Ке-май] ... вошел в дом. Здесь пахло пирогами. Пироги он нашел около печ-ки...; *Таштан лишмень рамамс. Лишмевтеме ломанесь пильгевте-менть кондямо...* (Абрамов 1988: 83). ‘Коплю для покупки лошади. Че-ловек без лошади (букв.: безлошадный человек) похож на безногого...’; *Кепе пильгензэ [Марюшань] ваясть четве модантень. Модась ульнесь аламодо летьке...* (Абрамов 1987: 42). ‘Её [Марюшины] босые ноги утонули в мягкой земле. Земля была немного сырой...’

Как видим, в этих примерах связь типа “определение – дополне-ние” (в первом случае), “дополнение – определение” (во втором случае), “обстоятельство – подлежащее” (в третьем случае) принципиально (структурно) не отличается от связи типа “дополнение – дополнение”, т. к. оба определения (в первом и втором примерах), обстоятельство (в третьем примере), как и дополнения, имеют одинаковый морфологиче-ский характер и служат для выражения субъектно-объектных отношений.

Следует отметить также, что соединение компонентов текста мо-жет осуществляться и с помощью однокоренных слов, относящихся к разным частям речи (при этом надо иметь в виду, что один из соотнося-щихся членов предложения чаще всего сказуемое). В научной литерату-ре этот вид повтора, преимущественно, называют словообразователь-ным. Однако, на наш взгляд, термин “частичный повтор”, предложен-ный И. В. Арнольд [1990: 130], является более подходящим. При его ис-пользовании появляется своеобразная игра слов. Более распространён-ными являются связи типа “сказуемое – подлежащее” (*Биляров туезт-не ... пряст эзизь максо, савсь тенст тюремс. Те тюремась а весень туртов ютась валаясто* (Абрамов 1988: 94). ‘Уезжавшие в Булгарию ... не поддались, им пришлось драться. Эта драка не для всех прошла гладко’); “подлежащее – сказуемое” (*Сонензэ [Марюшанень] маряви: эрямосонть свал ульнесть ильтямот, ансяк ильтямот. Васня ильт-несь мирденть...* (Абрамов 1961: 36). ‘Ей [Марюше] кажется: в её жиз-ни всегда были проводы, только проводы. Вначале провожала мужа...; “сказуемое – дополнение” (*Захар тевень аразде музгордсь. Сонзэ муз-*

гордеманть лангс кияк эзь вано... (Абрамов 1961: 333). ‘Захар от нечего делать ворчал. На его ворчание никто не обращал внимания...’; “дополнение – сказуемое” (*Озксонь чись свал прыдови морсемасо ды киштемасо. Морсить ды киштить чокинес...* (Абрамов 1988: 54). ‘Молельный день всегда заканчивается песнями и плясками. Поют и пляшут до вечера...’); “сказуемое – обстоятельство” (*Карготне пек вечкить киштеме. Киштемстэ сынь менчить кирьгаст* (Журавлёв 1993: 33). ‘Журавли очень любят плясать. При плясании они извивают шеи’) и т. д.

Как показывают примеры, среди структурных видов цепной (последовательной) связи ведущее место занимают те, которые связаны с повторением подлежащего или дополнения. По всей видимости, это объясняется большой ролью в мордовском синтаксисе субъектно-объектных отношений.

Большинство структурных видов цепной (последовательной) связи сводится к выражению отношений между субъектами или между субъектом и объектом (“подлежащее – подлежащее”, “подлежащее – дополнение”, “дополнение – дополнение” и т. п.). Роль сказуемого и наречного обстоятельства в формировании цепных связей намного меньше. Отношения же между сказуемым и другими членами предложения представлены еще скромнее. На наш взгляд, это объясняется тем, что сказуемое играет большую роль при другом типе объединения предложений – параллельном. Обстоятельство же является членом семантически и синтаксически автономным. Оно никак не вытекает из валентности глагола в формальном и смысловом отношениях. Поэтому роль этого члена предложения в цепной (последовательной) связи гораздо менее значительна по сравнению с подлежащим или дополнением. Объединение предложений имеет структурный характер, оттого для его формирования важны прежде всего те члены, которые играют большую роль в структуре предложения.

Очень часто повторы осложняются словами уточняющего характера – распространителями. Слова-распространители несут дополнительную информацию или эмоционально-экспрессивную окраску. Наблюдения над текстами показали, что обычно это имена прилагательные, причастия и местоимения (указательные, определительные или притяжательные). Несколько реже используются имена существительные в форме абсолютного или родительного падежей основного склонения и порядковые числительные.

Далее следует отметить, что в качестве лексических повторов могут выступать не только отдельные слова, но и словосочетания, части предложения. Например: ... *эрявь одс явномс моданть. Модань явно-*

мадонть мейле атятне кармасть ладямо сокат... (Абрамов 1987: 3).
'...надо было заново разделить землю. После раздела земли старики на-
чали налаживать сохи...'; *Кадык [Петя] туи поки эрямов. Поки эря-
мосо – поки тевть...* (Абрамов 1964: 535). 'Пусть [Петя] идет в боль-
шую жизнь. В большой жизни – большие дела...'

В художественных произведениях некоторых авторов мы иногда наблюдаем целые "цепочки" лексических повторов. В этом случае в каждом последующем предложении обязательно так или иначе повторяется один из конструктивных компонентов предыдущего. Разумеется, подобное использование лексического повтора определено его стилистическими функциями. Он служит средством создания эмоциональности, экспрессивности, средством повышения накала в произведении. Например: *Сайсынек вастнематнень. Эрьва од вастомась канды ломанентень од кеняркс, поки уцяска. Эрьва ломаненть уцяскасо улить истят вастнемат...* (Сятко 1993, 6: 32). Возьмем встречи. Каждая новая встреча несет человеку новую радость, большое счастье. В счастье каждого человека есть такие встречи...'

Во всех рассмотренных нами примерах лексический повтор является контактным, т. е. соединение осуществляется на стыке смежных предложений. Наблюдения над текстами эрзянских авторов показали, что встречаются (хотя и не особенно часто) и случаи дистантного повтора, который используется при описании ситуаций, на фоне которых совершаются события, развертывающиеся на глазах автора или же персонажа повествования. Этот прием особенно свойственен писателям, произведения которых отличаются большой эмоциональной насыщенностью или картинностью изложения материала. Например: *Аштить кавто шалашт, вейкесь седе поки. А васоло скалонь калда, эйзэнзэ скалтнэ пансесызь чить пси шкастонть ды вензэ лангс...*

Шалаштнэнь удалга, чудикерьксэнтъ крайга колия прява, понгавтнэзь флягат... (Эркай 1991: 6). 'Стоят два шалаша, один из них больше. Недалеко коровий загон, в него коров загоняют днем в жаркое время и на ночь...

За шалашами, на кольях вдоль ручья, развешаны фляги...'

В этом примере с помощью лексического повтора (*шалашт* 'шалаша') – *шалаштнэнь удалга* 'за шалашами') объединены два предложения, стоящие друг от друга на значительном расстоянии: *Аштеть кавто шалашт, вейкесь седе поки. Шалаштнэнь удалга, чудикерьксэнтъ крайга колия прява, понгавтнэзь флягат*. Тип связи – "подлежащее – обстоятельство".

Одним из видов дистантного повтора является “кольцевой”, или “рамочный” повтор. При “рамочном” повторе одна из лексем зачина повторяется в конце. Тем самым образуется своеобразное обрамление, подчеркивающее цельность и завершенность единицы текста, ее монолитность. Это средство связи всегда экспрессивно, эмоционально окрашено и характеризует, в основном, речь приподнятую, подчеркнута выразительную. Используется оно достаточно редко. Предложения внутри текстовой единицы объединены между собой цепными (последовательными) или параллельными связями, часто имеют смешанный состав. Например:

Кенерезь розь...

Кодат морот тондеть складязь – прок нармунть! Ломань кургсто сынь кивчкадять – азека кундыть! Гайтевь-бойкат моротне, седейстокицят...

Кенерезь розь... (Сятко 1999, 3: 24). ‘Созревшая рожь...

Какие песни о тебе сложены – словно птицы! Сверкнули они из ртов людей – иди-ка поймай! Звонки-быстры песни, задушевные.

‘Созревшая рожь...’

Роль лексического повтора в речи очень метко охарактеризовала Т. И. Сильман. Она отмечает, что часто это слово-тема, “обеспечивающая движение сюжетного мотива. Переключение с одной серии лексических повторов к другой подобной серии чаще всего означает переключение с одного сюжетного мотива на другой, а параллельное движение двух переплетающихся лексических повторов очень часто может означать переплетение двух или более сюжетных мотивов.

Нередко наличие одного и того же лексического повтора совпадает с границами абзаца, а переход к новому лексическому элементу означает одновременно и переход к другому абзацу. Но это далеко не обязательно – не менее часты случаи, когда один лексический повтор проходит через несколько абзацев” [Сильман 1967: 72].

Однако, несмотря на разнообразие структурных видов, сфера распространения цепной (последовательной) связи посредством лексического повтора в целом сравнительно узка, что объясняется, как отмечалось выше, прежде всего, современными стилистическими нормами. Относительно не богаты и его ресурсы. Они связаны, главным образом, с возможностями варьирования словорасположения внутри соединяемых компонентов и использования определений к повторяющемуся во второй синтаксической единице слову.

Тем не менее, повтор какого-либо слова – это наиболее прочная и надежная связь между предложениями в тексте, т. к., с одной стороны, он характеризует речь простую, безыскусственную, с другой же – его ис-

пользование придает высказыванию точность, конкретность, строгость, ясность. Этим, прежде всего, и объясняется распространение цепной (последовательной) связи посредством лексического повтора в научной и публицистической литературе. Ее частое употребление в научном стиле связано также с устойчивостью терминологии: повторение слова или словосочетания, обозначающего описываемое понятие, явление, процесс, часто оказывается более желательным, чем использование различных синонимических замен. В публицистике соединение предложений подобным образом чаще всего имеет эмоциональный, экспрессивный характер, особенно в тех случаях, когда повтор находится на стыке смежных компонентов. Использование цепной связи посредством лексического повтора может быть вызвано и намеренным повторением какого-либо важного понятия. В этом случае повтор служит не только средством объединения отдельных синтаксических единиц, но и своеобразным лейтмотивом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абрамов К. Г. Ломантне теевсть малацекс: Роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1961. 428 с.

Абрамов К. Г. Качамонь пачк: Роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1964. 556 с.

Абрамов К. Г. Велень тейтерь: Роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1980. 448 с.

Абрамов К. Г. Исяк якинь Найманов: Роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. 318 с.

Абрамов К. Г. Пургаз: Роман-эвтамо. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. 480 с.

Евсевьев М. Е. Мордовские народные сказки и загадки // Избр. труды: В 3-х т. Т. 3. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. 411 с.

Кириллов П. С. Кочказь произведенияг. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1958. 232 с.

Журавлёв Числав. Овто латко: Ёвтнемаг. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993. 88 с.

Сятко. 1993. № 6. 144 с.

Сятко. 1996. № 8–9. 144 с.

Сятко. 1999. № 3. 144 с.

УПТМН – Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 8-ми т. Т. 2. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. 372 с.

Эркай Никул. Алёшка: Повесть. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1991. 192 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования: Учеб. пособие для студентов по специальности “Иностранные языки”. 3-е изд. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

Бельчиков Ю. А. Нужно воспринимать жизнь во всём её блеске, красоте и богатстве красок (К 100-летию со дня рождения К. Г. Паустовского) // Русский язык в школе. 1992. № 2. С. 31–36.

Будагов Г. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977. 264 с.

Гаспаров Б. М. Структура формальной связи предложений в современном русском языке // Учёные записки Тартуского ун-та. Вып. 347. Тарту, 1975. С. 65–78.

Лосева Л. М. Как строится текст. М.: Просвещение, 1980. 98 с.

Лунёва В. П. Синтаксис связной речи (сложное синтаксическое целое). Пермь, 1982. 88 с.

Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). Л., 1967. 110 с.